

УДК 433.908.332.1

К ВОПРОСУ ОБ ИСТОЧНИКАХ ПОПОЛНЕНИЯ ШАХТЕРСКИХ КАДРОВ В УСЛОВИЯХ ИНДУСТРИАЛИЗАЦИИ В КУЗБАССЕ

А. А. Зеленин, М. Г. Леухова, А. Е. Пьянов

ABOUT THE ORIGINS OF RECRUITMENT OF COAL MINING STAFF IN KUZBASS IN THE PERIOD OF INDUSTRIALIZATION

A. A. Zelenin, M. G. Leukhova, A. E. Pianov

В статье анализируются источники пополнения шахтерских кадров в Кузбассе в 1920-е – 1930-е годы. Цель статьи – охарактеризовать основные категории источников рабочих кадров для угольной промышленности Кузбасса. Авторы выделяют основные группы населения, служившие источником пополнения рабочих кадров угольной промышленности. Дают характеристику каждой группе рабочих кадров, выявляют качественные и количественные характеристики каждой группы. В ходе исследования авторы приходят к выводу о существовании различных каналов пополнения рабочих кадров угольной промышленности Кузбасса, выявляя роль каждого из них в формировании кадрового состава угольной промышленности Кузбасса.

The paper analyses the origins of recruiting coal mining staff for Kuzbass in the 1920s – 1930s. The paper aims at characterizing the main categories of the staff working in Kuzbass coal mining industry. The authors determine the main social groups that coal miners originated from. Characteristic of each group is provided, including qualitative and quantitative characteristics. The authors conclude that working staff for Kuzbass mining industry originated from a number of different backgrounds, and distinguish the role of each in the formation of coal mining industry in Kuzbass.

Ключевые слова: угольная промышленность, рабочие кадры, индустриализация, Кузбасс.

Keywords: coal mining, working staff, industrialization, Kuzbass.

Конец 1920-х – 1930-е гг. были чрезвычайно важным периодом в истории нашей страны. Происходил стремительный процесс промышленной модернизации страны. В ходе этого процесса не только создавались новые отрасли промышленности, но и активно осваивались новые районы страны, которые быстро становились промышленными центрами СССР.

В условиях ускоренной модернизации одними из основных вопросов становились проблемы капиталовложений и вопросы обеспеченности кадрами. Обращение к вопросам источников пополнения шахтерских кадров в первой половине XX века становится важным в связи необходимостью для нашей страны проведения полномасштабной модернизации экономики.

В условиях быстрого промышленного развития Кузбасса в конце 1920-х гг. – 1930-х гг. сильно возросла потребность в рабочей силе. Слаборазвитые города, такие как Прокопьевск, Ленинск-Кузнецкий, Анжеро-Судженск и другие, не могли обеспечить людскими ресурсами бурно развивающуюся угольную промышленность. В связи с этим возросла роль деревни в пополнении рабочего класса в Кузбассе. Явление это было характерно для всей угольной промышленности СССР, и горняки Кузбасса не составляли исключение. На 1928 г. из рабочих происходило 34,4 % всех шахтеров страны; 36,6 % – шахтеров Сибири и 33,8 % – шахтеров Донбасса. Из крестьян соответственно – 62,3 %, 58,7 %, 63,1 %. Остальные рабочие вышли из числа служащих, торговцев, кустарей [24, с. 87].

Необходимо отметить, что усиление притока крестьянских масс шло одновременно с коллективизацией в деревне [26, с. 86]. По данным Народного Комиссариата труда, из 4490 человек, направленных в "Сибуголь" на 1 октября 1930 г. из сельской мест-

ности, колхозников было 830 (18,5 %), батраков – 1580 (35,2 %) и отходников – 2080 (46,3 %) [23, с. 32]. Так, основной контингент направленных на шахты составляли батраки и отходники. Они не имели собственного хозяйства или временно порывали с ним. В последующие годы индустриализации эта тенденция продолжала сохраняться. Среди шахтеров Кузбасса в 1932 г. выходцев из рабочих насчитывалось 30,7 % от общего количества шахтеров, из крестьян – 64 % [4, с. 31]. Сопоставление состава шахтеров в 1929 и 1932 гг. показало, что среди них в первой пятилетке снизилась доля выходцев из рабочих и повысился удельный вес выходцев из крестьян.

Особенностью являлось и то, что увеличение количества рабочих угольной промышленности происходило преимущественно за счет местного сибирского населения. Об этом свидетельствуют результаты переписи городского населения Кузбасса, проведенной в 1931 году. Распределение их по месту жительства дает наглядное представление, за счет каких районов пополнялись рабочие кадры бассейна (таблица 1).

Таблица 1

**Распределение горняков,
прибывших в Кузбасс в 1928 – 1930 гг.,
по прежнему месту жительства***

Район выбытия	Прибыло	
	количество	% к итогу
Ленинградская область	42	0,4
Западная область	29	0,3
Московская область	42	0,4
Нижегородская область	60	0,5
Уральская область	180	1,6
Татарская АССР	110	1,0
Средне-Волжский край	214	1,8
Центрально-Черноземная область	135	1,2
Нижне-Волжский край	13	0,1
Средне-Кавказский край	19	0,1
Казахская АССР	41	0,3
Сибирский край	9092	79,5
Дальне-Восточный край	27	0,2
БССР	27	0,2
УССР	53	0,5
Не указали место выхода	1196	10,6
Прочие	151	1,3
Итого	11431	100

Примечание: *Заболотская К. А. Количественный и качественный рост рабочих кадров угольной промышленности Кузбасса (1917 – 1970): дис... канд. ист. наук. Кемерово, 1975.

Из 11431 горняков, прибывших в регион в 1928 – 1930-е гг., около 9 тыс. (79,5 %) являлись выходцами из Сибири [25, с. 32 – 33]. Удельный вес выходцев из других районов был незначителен. Так, первостроителями кузбасских шахт – "Зидоинка" 1-2, "Коксовая", "Маганак" и др. – являлись крестьяне, входившие в состав местных промысловых артелей. Например, в Прокопьевском районе – из промартели им. 1 мая деревни Усяты [1, с. 18]. По мнению К. А. Заболотской, основной причиной преобладания местного сибирского населения в пополнении рядов кузбасских шахтеров являлось то, что сельское население привлекалось в угольную промышленность путем организованного набора в основном из районов Восточной и Западной Сибири. В последующие годы эта тенденция сохранялась. В 1937 г. в г. Прокопьевск прибыло 11654 чел., из них 5278 чел. (45,3 %) – из Новосибирской области, 2241 чел. (19,2 %) – из Алтайского края [24, с. 86].

Заметно усилился приток рабочей силы в промышленность, когда ВЦСПС и газета "Труд" организовали месячник профпропаганды. В Запсибкрае такой месячник объявили с 1 по 30 сентября 1931 года. Были разработаны конкретные мероприятия, реализация которых позволила в октябре 1931 г. закончить в основном призыв 7 тыс. колхозников в угольную промышленность Кузбасса [21, с. 7]. В целом партийные, комсомольские и профсоюзные мобилизации являлись одной из форм привлечения и формирования рабочих кадров. В 1931 г. крайком ВЛКСМ создал резервный ударный комсомольский батальон для

шахт бассейна в количестве 2470 человек [27, с. 123].

Таким образом, потребность в неквалифицированных рабочих в первые годы индустриализации покрывалась в основном за счет крестьян. В последующие годы доля крестьян в новых пополнениях шахтерских кадров снизилась. Отчасти это было связано с тем, что в целом процесс перехода крестьянства в состав рабочих проходил медленно, крестьяне неохотно отрывались от земли. С другой стороны, рост численности городского населения, особенно в последние годы второй пятилетки, создал объективные предпосылки для постепенного снижения доли сельского населения в комплектовании шахтерских кадров бассейна.

В конце 30-х годов в трех крупнейших городах Кузбасса – Кемерово, Новокузнецке и Прокопьевске – проживало 54 % шахтеров, занятых в угольной промышленности бассейна. В составе прибывших 44 % из городов и около 48 % из сельской местности, что свидетельствует о возрастании роли городов в пополнении шахтерских кадров Кузбасса [2, с. 134].

Своеобразным источником пополнения шахтеров Кузбасса явились красноармейцы, уволенные в запас из рядов армии и флота. Постановлением Совета Труда и Оборона от 6 октября 1930 г. Народному Комиссариату труда предписывалось предоставить в распоряжение Сибугля 12454 рабочих и обеспечить совместно с Народным Комиссариатом по военным и морским делам качественный отбор вербованных рабочих из числа уволенных в запас [35, с. 134].

Еще один источник пополнения шахтерских кадров составляли кустари, выходцы из семей служащих, нетрудовые элементы. Однако удельный вес этой группы составлял от 2 до 5 %. Анализ "Профсоюзной переписи 1932 – 1933 гг." показал, что в первом пятилетии процент по названным категориям постоянно уменьшался. Так, кустарей и членов артелей, поступивших на производство в 1928 – 1929 гг., было 1 % от общего количества, в 1930 г. – 0,6 %, в 1931 и 1932 гг. соответственно – 0,6 и 0,1 % [30, с. 98 – 101]. Но вместе с тем удельный вес выходцев из торговцев и кустарей был выше, чем в Донбассе. Это связано с более широким развитием в Сибири кустарной промышленности. Так, на 1928 г. процент кустарей к общему количеству рабочих составлял в Донбассе 1,2 %, в целом по стране – 1,4 %, в Сибири – 3,4 % [34, с. 27 – 28].

К весне 1930 г. кадровая обстановка изменилась. Крестьянские хозяйства в значительной степени были коллективизированы, безработицу поглотило промышленное и транспортное строительство. Кузбасс начал испытывать дефицит рабочей силы, доходивший до 40 %. Учитывая это обстоятельство, в 1930 г. перед ЦК ВКП(б), Сибирским краевым отделом труда был поставлен вопрос о необходимости вербовки в Китае для работы в Кузбассе 60 – 70 тыс. рабочих [19, с. 11]. В последующие годы тенденция нарастала. На 1 июля 1931 г. по сравнению с 1930 годом требовалось увеличить число рабочих на 183 % [12, с. 40]. С 1 июля 1930 г. Кузбассу разре-

шалось вербовать рабочую силу. 10 сентября 1930 г. было заключено соглашение Наркомата тяжелой промышленности, согласно которому намечалось завербовать в 21 районе Татарской республики, Нижне-Средне-Волжском и Нижегородском краях 17000 рабочих. Всего из принятых в 1930 г. на шахты Кузбасса 21,2 тыс. горняков, рабочие, поступившие по договорам, составили 63,7 % [24, с. 90]. Однако эти меры не обеспечили необходимого количества рабочих.

Тогда от самотека перешли к политике организованного набора. Бюро Запсибкрайкома ВКП(б) в решении "О состоянии и задачах обеспечения промышленности и строительства квалифицированной рабочей силой" (15 декабря 1930 г.) [33, с. 73] отмечало, что по Западной Сибири отсутствовал пятилетний план подготовки рабочей силы, не было точных данных потребности в квалифицированных рабочих не только на 1930 г., но и на 1931 г., не были выявлены и свободные ресурсы, непродуманно составлены заявки на необходимую рабочую силу. Для улучшения обеспечения шахт кадрами функция их набора была изъята из ведения Народного Комиссариата по труду и передана непосредственно управлениям предприятий. На органы Наркомтруда возлагались планирование, руководство и контроль за хозяйственными органами по оргнабору и подготовке кадров; наблюдение за правильным их использованием; контроль за организацией труда и заработной платой, выполнением коллективных договоров, за соблюдением техники безопасности, жилищно-бытовыми условиями, организацией женского труда на производстве [18, с. 18].

Кроме того, устанавливались договорные отношения между промышленными предприятиями и колхозсоюзами. По соглашению между Кузбассуглем и Крайколхозсоюзом от апреля 1931 г. для работы на угольные предприятия региона выделялось 6795 человек [18, с. 7]. Реально поступило 4170 человек, что составило 61,3 % от плана, в том числе в Анжерское рудоуправление – 1388 человек (61,7 %), Кемеровское рудоуправление – 550 (65,03 %), Ленинское и Прокопьевское рудоуправление соответственно прибыло 423 (45,74 %) и 1803 (69,75 %) человек [18, с. 40]. Наряду с оргнабором рабочие поступали на шахты путем самотека. В конце 1931 г. на шахты "Кузбассугля" по оргнабору поступило 10,4 тыс. рабочих, а самотеком только с мая по ноябрь этого года прибыло 26,3 тыс. человек [18, с. 16].

Вопрос об обеспечении угольной промышленности рабочей силой был остро поставлен на совещании хозяйственников, проведенном ЦК ВКП(б) в июне 1931 года. Предлагалось шире использовать оргнабор на основе договоров о взаимопомощи промышленных предприятий и колхозов, принцип материальной заинтересованности колхозников и других слоев сельского населения для работы в промышленности [29, с. 2]. За первую пятилетку в порядке оргнабора на шахты Кузбасса было привлечено 29,2 тыс. человек, из них свыше 80 % завербовано в Сибири.

В первые годы индустриализации, несмотря на кризисное положение в городах с жильем, текучесть

кадров в Кузбассе была незначительной. Ее сдерживала безработица. С ростом промышленного строительства и потребности в рабочей силе рабочие получили возможность, не опасаясь остаться без работы, переходить с одного предприятия на другое в поисках лучших условий. Вместе с тем организационный набор не смог обеспечить угольную промышленность региона квалифицированными кадрами, так как основная масса прибывших была из сельской местности и слабо подготовлена для работы под землей. Из прибывших в 1930 г. на Кемеровский рудник 1844 подземных рабочих квалифицированными были 711 человек (39 %) [15, с. 112 – 130]. Велика была текучесть кадров. Так, для организационного набора из колхозного и единоличного сектора по нарядам крайплана для Киселевского рудоуправления были выделены два района в Запсибкрае – Кожевниковский и Кочковский. Из них прибыло в 1934 г. – 3722, в 1935 г. – 3334, в 1936 г. – 3249 человек, а убыло из Киселевского рудоуправления соответственно 2902, 2707, 3840 человек. Таким образом, за три года прибыло 10305 чел., а убыло 9449 человек. Рудник из года в год сокращал вербовку и связанные с ней расходы. Основным недостатком являлось то, что вербовка проводилась в летние месяцы, в разгар сельскохозяйственных работ, когда в деревне трудно было найти свободную рабочую силу.

В последующие годы удельный вес оргнабора продолжал снижаться. Далеко не все рабочие, поступившие на шахты по оргнабору, могли работать под землей. Они либо уезжали, нарушая сроки контракта, либо переходили на другие предприятия. Все это не способствовало созданию на шахтах постоянных рабочих кадров.

В целом в 1936 г. на шахты Кузбасса по организованному набору должны были поступить 6500 рабочих, прибыло – 2675 (41,2 %) [22, с. 120, 135]. Поэтому не случайно этот метод стал постепенно вытесняться приемом рабочих самими предприятиями. Однако в довоенные годы полностью отказаться от него угольная промышленность не могла.

Одной из действенных мер борьбы с текучестью стала развернувшаяся с конца 1930 г. контрактация рабочих, то есть добровольное принятие ими обязательств отработать на данной стройке, предприятии определенный срок. Сроки контрактации составляли до пяти лет, в то время как вербовки один – два года. На 1 мая 1931 г. в Кемерове работами по контракту было охвачено 32 %, в Ленинске – 46,2 %, в Прокопьевске – 44 % горняков [17, с. 132].

Определенную роль в пополнении шахтерских кадров сыграла миграция части украинских горняков в Кузбасс. Донбассовцы были заметной группой в среде тех, кто приходил на кузбасские шахты. В период строительства Прокопьевского рудника газета "Советская Сибирь" писала: "На Верблюжьей кочку со всех концов Советского Союза пришли шахтеры. Разные это были люди. Одни пришли с приисков... другие потянулись с Донбасса и отдали Прокопьевску индустриальные навыки. Третьи шли с деревень". Отсутствие необходимых статистических материалов не дает возможности точно определить

число донецких горняков, работавших в первые пятилетки на шахтах Кузбасса. Имеющиеся данные говорят, что в 1931 г. выходцы с Украины составляли 0,5 % всех горняков Кузнецкого бассейна [25, с. 33].

Однако важно было не только число прибывших из Донбасса в Кузбасс шахтеров, но, главным образом, тот трудовой опыт, которым они владели. Так, Степан Иванович Латышев приехал в Прокопьевск в 1925 году. Руководимая им бригада, работавшая на штольне "Центральная", одной из первых стала ударной, перешла на хозрасчет, а ее опыт стал достоянием всех горняков бассейна.

Следует заметить, что миграция донецких шахтеров носила стихийный характер, так как горняцкие кадры Донбасса в этот период характеризовались значительной текучестью и малым процентом кадровых горняков: в начале 30-х гг. каждый четвертый шахтер Донбасса имел стаж работы в угольной промышленности менее года. В 1932 г. здесь было принято 178 % состава рабочих, а выбыло 198 % [36, с. 563]. Случаи организованного приезда в Кузбасс были исключением. Например, направление на шахты 14 врубмашинистов во главе с Прокудиным [16, с. 12].

Активное участие в развитии Кузбасса принимали иностранные рабочие и специалисты.

Но в отличие от практики АНК набор стал осуществляться централизованно, через ВСНХ, Воссибуголь. 1 июня 1928 г. было принято Постановление СНК СССР "Об упорядочении капитального строительства", в котором указывалось на необходимость усиления практики привлечения специалистов из-за границы. Намечались меры подкреплению их на производстве и определялась планомерность поступления на объекты [14, с. 58]. Однако в первый год пятилетки отмечались невысокие темпы выполнения плановых заданий. Это было связано с недофинансированием заграничных командировок с целью привлечения иностранных специалистов. Валюта выделялась крайне трудно, частью даже за счет неудовлетворения других потребностей угольных предприятий [14, с. 17].

Для изменения ситуации ВСНХ намечал специальные планы по привлечению иностранцев, выполнение которых находилось под строгим контролем. Трест "Востокуголь" имел специальный иностранный отдел (ИНО), через него и устанавливались связи с зарубежьем. С каждым специалистом заключался договор на 3 года, при этом устанавливался испытательный шестимесячный срок. Подписавшему договор оплачивалась фактическая стоимость поездки по железной дороге или морским транспортом, а также провоза груза до 240 кг. Специалисту и членам его семьи предоставлялось меблированное жилье, ежегодный месячный отпуск с оплатой проезда на родину и обратно с сохранением заработной платы, бесплатные коммунальные услуги и гужевого транспорт. Для них был организован отдел иностранного снабжения (Инснаб), через который иностранные специалисты получали специальный продуктовый паек. То есть льготы были довольно значительные. Советским специалистам они предостав-

лялись лишь в качестве поощрения. Существенной была и разница в окладах советских и иностранных рабочих и специалистов. Так, среднемесячная заработная плата подземных рабочих составляла соответственно 150 руб. и 500 руб., инженерно-технических работников – 620 и 1215 рублей [28, с. 110, 116]. Причем иностранные специалисты получали часть зарплаты в валюте, которая по их желанию переводилась на заграничные счета. К примеру, инженер получал 300 марок или 200 долларов, техник – 150 марок [6, с. 25]. Вместе с тем были случаи, когда иностранные инженеры требовали более высоких заработных плат. Так, инженер Хибнер из Силезии запросил оклад 2000 долларов в месяц, пару лошадей, автомобиль, прислугу, кучера, садовника [6, с. 35]. В основном иностранные рабочие отмечали, что материально они обеспечены, но уровень культурной жизни их не удовлетворяет.

В случае невыполнения обязанностей договора в отношении иностранных специалистов "Сибуголь" имел право его расторгнуть. Если нарушения происходили по вине трестов, то "Сибуголь" обязан был оплатить проезд специалиста на родину. Согласно этим условиям иностранцы ехали в Кузбасс. В 1929 г. правление "Союзугля" привлекло в каменноугольную промышленность Кузнецкого бассейна 8 рабочих и 4 дипломированных инженера [9, с. 23]. Заявки для иностранных специалистов для треста "Сибуголь" на 1930 г. увеличились до 30 человек. Из них требовалось 10 инженеров-конструкторов для проектирования промышленных сооружений, 19 специалистов для организации механизированной угледобычи по шахте № 9/10 Анжерского рудоуправления и 10 рабочих для постройки шахтовых сооружений [9, с. 193]. А в 1931 г. ИНО "Востокугля" решил пригласить и использовать специалистов в количестве 1550 человек: 550 из Европы и 1000 из Америки [9, с. 316]. Из них в Прокопьевское рудо- и шахтоуправление – 200 человек, Ленинское рудоуправление – 500; Анжерское рудоуправление – 251 человек. Такое резкое увеличение потребности в иностранных специалистах объяснялось развертыванием работ по угледобыче, в которой большое место отводилось механизации процессов.

Но в этот ответственный момент иностранный отдел ВСНХ СССР принял решение о временном прекращении набора рабочих за границей, вызванное отсутствием иностранной валюты. Однако объединение "Востокуголь" настаивало на немедленном удовлетворении заявок для Прокопьевского и Ленинск-Кузнецкого управлений и управления нового строительства. В Прокопьевск требовалось 67 специалистов из Германии для проходки комплекса шахты "Коксовой", на шахту "Капитальную" Ленинского управления нового строительства – 55 американских рабочих [9, с. 163]. Объединение мотивировало такую просьбу "не просто желанием иметь в Азии европейцев", а полной подготовленностью к приему иностранных рабочих. Указывалось, что в Германии или Америке найдутся рабочие и техники, желающие работать на безвалютных условиях и приехать за свой счет. Рабочие требовались не только на строительство шахт, но и на действующую

Щегловскую шахту, причем в строго указанные сроки – до 1 июня 1931 года. Заявка Сибугля была в значительной мере удовлетворена.

В 1932 г. в системе Кузбассугля работало 52 иностранных специалиста. В 1933 г. приток немецких и американских инженеров и рабочих увеличился. Так, на Кемеровском руднике в 1932 г. работало 28 человек, в 1933 г. – уже 40 [8, с. 193]. Кроме немцев и американцев на шахтах Кузбасса работали австрийцы, чехи, югославы, венгры, поляки, англичане, французы, итальянцы, литовцы, китайцы. Многие иностранные рабочие владели несколькими специальностями: машиниста врубамашин, проходчика, забойщика. Их труд использовался в различных формах: возглавляли шахтные мастерские, работали инструкторами.

Иностранные инженеры возглавляли шахты, отделы, службу механизации, школы подготовки кадров. Так, главным инженером строительства шахты "Коксовая" работал немецкий инженер Цимфельд, главным механиком – Флорен. За успешную работу 36 ударников среди иностранных рабочих в августе 1934 г. в качестве поощрения были отправлены на экскурсию на теплоходе по Волге. Среди них – 11 членов ВКП(б), 2 члена компартии Германии, 2 члена компартии Австрии, 1 член КП Чехословакии [8, с. 8]. По личному приказу Л. М. Кагановича на это мероприятие выделялось 11,4 тыс. рублей.

Со временем отношение к иностранным рабочим и специалистам изменялось. Как известно, это было связано с формированием тоталитарного режима в СССР. Их стали огульно обвинять во вредительстве, шпионаже. Со второй половины 30-х гг. численность иностранцев на шахтах Кузбасса сократилась. В 1934 г. в Анжерском рудоуправлении работало

90 человек, в Ленинском – 136 и УНШ – 29, в Прокопьевском рудоуправлении – 302 иностранных рабочих. Уже в 1935 г. количество рабочих уменьшилось и составило по Анжерскому, Ленинскому и Прокопьевскому рудоуправлениям соответственно 63, 80, 240 человек. Массовое увольнение иностранных рабочих и специалистов началось после поступления в трест Кузбассуголь директивы Наркома топливной промышленности Л. М. Кагановича. Начальник Кузбассугля В. Я. Принцев информировал управляющих о необходимости в течение 5 дней уволить и освободить от работы всех иностранных подданных, за исключением чехов. О всех уволенных сообщалось органам НКВД для оформления выездных документов. Уже 4 ноября 1937 г. начальник спецотдела Кузбассугля Рудин доложил В. Я. Принцеву о выполнении директивы. Временно в Объединении оставалось 43 человека [7, с. 25, 28].

В целом бурное промышленное развитие бассейна привело к росту численности рабочих кадров, о чем свидетельствует таблица 2.

Данная таблица свидетельствует о высоких темпах роста численности шахтерских кадров. За первую пятилетку среднегодовой темп прироста составил 27,3 %. В первые годы второй пятилетки – 1933 – 35 гг. – темпы прироста численности рабочих сохранились достаточно высокими – 22,1 %. Однако в 1936 г. численность шахтеров даже сократилась. Это было вызвано движением новаторов производства и связанным с ним подъемом производительности труда. Как справедливо отмечал А. В. Волченко, на снижение темпов роста численности шахтеров повлияло также некоторое сокращение объемов вводимых в эксплуатацию производственных мощностей шахт [2, с. 25].

Таблица 2

Динамика среднегодовой численности рабочих угольной промышленности Кузбасса*

Годы	Численность рабочих		Численность всего персонала	
	человек	в % к 1928/29 г.	человек	в % к 1928/29 г.
1928/29	11639	100	12425	100
1929/30	13228	113	14668	118
1931	15290	133	17061	136
1932	22547	194	25714	206
1933	25319	217	28584	229
1934	29181	251	32720	263
1935	33578	290	38604	309
1936	33203	276	37987	302
1937	34687	300	39738	318

Примечание: *Таблица составлена по данным: РГАЭ. Ф. 7566. Оп. 1. Д. 1717. Л. 40г. Д. 1918. Л. 95; Д. 3100. Л. 98; ГАКО. Ф. 101. Оп. 1. Д. 99. Л. 101, 104; Ф. 177. Оп. 5. Д. 301. Л. 22; Д. 30. Л. 53; Д. 300. Л. 23.

Кроме того, численность всего промышленно-производственного персонала возрастала более быстрыми темпами. В первую пятилетку с 12425 чел. (1928/1929 гг.) до 25714 чел. в 1932 г., что составило прирост 200 %. Во вторую пятилетку темпы несколько снизились. При общем увеличении численности до 39738 чел. в 1937 г. прирост составил 155 %. Численность рабочих угольной промышленности СССР за довоенные пятилетки увеличилась на 88 %. Удельный

вес шахтеров Кузбасса среди горняков страны вырос с 5 до 9,7 % [36, с. 78].

В процессе развития угольной промышленности Кузнецкого бассейна наряду с ростом численности шахтеров произошло и перераспределение рабочей силы по угольным районам.

Численность шахтеров, занятых на угледобыче по угольным районам Кузбасса

Районы	Чел., %	1928/29 гг.	1932 г.	1933 г.	1937 г.
Анжерский	чел./%	5695/45,9	7808/30,2	6807/23,7	6462/16,1
Кемеровский	чел./%	1475/11,8	2092/8,1	2447/8,3	2214/5,6
Ленинский	чел./%	2889/23,2	5996/23,3	6938/24,2	9388/23,8
Прокопьевский	чел./%	2366/19,0	5738/22,3	6060/21,1	12300/31,0
Киселевский	чел./%	-	1110/4,3	2147/7,6	3464/8,9
Осинниковский	чел./%	-	1852/7,2	2596/9,6	3852/9,4
Куйбышевский	чел./%	-	1118/4,6	1559/5,5	2058/5,2
Итого	чел.	12425	25584	28584	39738.
	%	100	100	100	100

Примечание: *Таблица составлена по данным: РГАЭ. Ф. 7566. Оп. 1. Д. 1981. Л. 100; ГАКО. Ф. 177. Оп. 1. Д. 30. Л. 54; Оп. 5. Д. 301. Л. 122.

Из приведенных данных видно, что ведущий с момента зарождения в Кузбассе угольного производства Анжеро-Судженский район в 1933 г. уступил первенство по численности трудящихся Ленинскому, а затем и Прокопьевскому руднику, на котором в 1937 г. был сосредоточен 31 % всех горняков бассейна. Это было связано с продвижением добычи угля в южные районы бассейна.

Таким образом, в годы первых пятилеток в результате развития угольного Кузбасса произошел многократный рост численности шахтеров, в результате чего возрос их удельный вес в общей численности шахтеров страны.

Рост численности шахтерских кадров в годы первых пятилеток сопровождался и качественными изменениями. В составе шахтеров повысился удельный вес женщин. В угольной промышленности Кузбасса он вырос с 3,2 % в 1928 г. до 19,5 % в 1935 году [31, с. 249]. Но внедрение женского труда в производство проходило без всякой плановости и учета работоспособности, поэтому некоторые женщины, способные работать на более ответственных работах, в производство включались простыми рабочими, а женщины без навыков в угольных профессиях ставились к машинам [13, с. 1, 5, 49]. Однако шахты в первую очередь стремились избавиться от женщин-работниц. К примеру, "Центральная штольня" Прокопьевского рудника из 150 работниц сократила в 1935 г. сразу 50 человек [5, с. 1].

В годы индустриализации произошли большие изменения в возрастном составе шахтеров. Молодежь занимала значительное место в новом пополнении. По данным профсоюзной переписи 1929 г. молодежь в возрасте 17 – 24 лет составляла 25 %, в 1934 г. среди рабочих "Кузбассугля" молодежь до 24 лет составляла 32,3 %. Но к середине 1937 г. удельный вес этой группы снизился до 19,5 %, что объяснялось рядом причин.

Во-первых, повышением благосостояния народа, развитием народного образования. Значительная часть молодежи в возрасте до 22 лет стала учиться в школах, техникумах, вузах. Часть сельской молодежи оставалась в деревне, приобретая специальности сельских механизаторов [20, с. 22]. Таким образом, определилась взаимосвязь между развитием образования в стране и снижением удельного веса на шахтах молодежи в возрасте до 24 лет.

Во-вторых, работоспособными в то время являлись лица, родившиеся в 1913 – 1920 гг. А это годы

первой мировой и гражданской войн, следствием которых были низкая рождаемость и высокая детская смертность.

В годы первых пятилеток изменился кадровый состав, структура рабочей силы. В 20-х гг. значительную часть шахтеров – 39,3 % – составляли рабочие с дореволюционным трудовым стажем. По стажу непрерывной работы на данном предприятии шахтеры распределялись так: 29,0 % шахтеров имели стаж более 5 лет, из них 13,7 % – свыше 10 лет, 15 % – от трех до 5 лет, 30,4 % и 25,5 % соответственно до трех лет и менее одного года [35, с. 144, 145]. Таким образом, в начале первой пятилетки более половины всех шахтеров – 55,9 % – работали на шахтах менее трех лет.

К концу 30-х гг. уже 68 % угольщиков Кузбасса имели стаж на данном предприятии менее 3-х лет [32, с. 2]. Такая ситуация с кадрами объяснялась форсированными темпами индустриализации, которые могли быть обеспечены только быстрым ростом численности шахтеров. Поэтому стаж работы новых кадров был невелик. Кроме того, на данное обстоятельство повлияло и постоянное обновление кадров.

Основными причинами текучести кадров являлись: невысокая заработная плата, обезличка рабочего места, плохие жилищные условия (обеспеченность шахт жилфондом составляла 5 %), недостаточное снабжение спецодеждой, продуктами питания и промтоварами, плохое медицинское обслуживание, слабая культурно-просветительская база. Для изменения ситуации руководством трестов и шахт предпринимались различные меры. Заключались индивидуальные трудовые договора с подземными рабочими, выдавались премии за контрактацию, ссуды на индивидуальное жилищное строительство и земля под садовые участки, предоставлялись путевки в санатории и дома отдыха [11, с. 72].

Для улучшения снабжения рабочих при предприятиях создавались подсобные плодовоовощные хозяйства, индивидуальные огороды, широкая организация которых началась с 1933 года. Одна семья получала для огорода от 0,12 до 0,25 га земли. Выделялись специальные кредиты на приобретение скота. В 1934 г. по всем рудоуправлениям "Кузбассугля" было выдано 993879 руб. возвратных ссуд на приобретение рабочего скота, мебели, одежды, 364681 руб. – на жилищное строительство. Однако данные меры охватывали не-

значительное количество рабочих. Жилищный кризис не был разрешен окончательно [11, с. 36].

Текучесть кадров оставалась значительной. Она не отличалась стабильностью. В 1934 г. процент текущести составил 16,4 %, в 1935 г. повысился до 18,51 %, в 1936 и 1937 гг., соответственно, составлял 14,8 и 15,3 %. Усиление борьбы с прогулами увеличило процент на 3,2. Уволено за прогулы в 1934 г. 7204 чел., в 1935 г. – 8479 человек [10, с. 25, 97].

Так, в 1937 г. наибольшая текучесть рабочих по забою отмечалась в "Кемеровоугле" – 20,7 %; "Ленинскугле" – 18,5 %; рабочих по эксплуатации – на шахтах Кемерова – 19,0 %, Ленинска – 17,5 %. Постоянная текучесть кадров вызывала необходимость дополнительного привлечения рабочей силы.

Большой рост численности горняков сопровождался изменением их структуры. Уменьшение удельного веса подземных рабочих в общем составе произошло в 1933 г. за счет перекомплекта поверхностных. В 1934 и 1935 гг. увеличился удельный вес подземных рабочих, сократилось количество обслуживающих рабочих.

Улучшение ситуации было связано с проведенной концентрацией горных работ, что позволило уплотнить рабочее время подземных рабочих. Кроме того, подземные обслуживающие рабочие были переведены с шести на семичасовой рабочий день. Вводилось систематическое наблюдение за штатной дисциплиной на шахтах. В последний год пятилетки произошел перекомплект по всем категориям рабочей силы. Перекомплект рабочих по забою в 380 чел. был вызван усилением подготовительных работ вследствие ввода непредусмотренных планом пологопадающих пластов. Увеличение поверхностных рабочих сверх плана на 1225 человек и младшего обслуживающего персонала на 333 человек произошло вследствие ликвида-

ции больших угольных отвалов на поверхности для чего была произведена постройка временных эстакад и увеличено количество поверхностных откатчиков. Вследствие перевода на самостоятельные балансы всех шахт и разукрупнения участков произошел перекомплект служащих и инженерно-технических работников.

Таким образом, в процессе превращения Кузнецкого бассейна во второй Донбасс быстрыми темпами увеличилась численность шахтеров. Пополнение шахтерских кадров в годы первых пятилеток в Кузбассе шло преимущественно за счет сибирского населения. Основными источниками формирования рабочих кадров угольной промышленности Кузбасса являлись первоначально крестьяне, выходцы из торговцев, кустарей, красноармейцы, уволенные в запас из рядов армии и флота. Приток кадров из европейской части СССР был невелик, в основном ехали донецкие шахтеры. В становлении второй угольной базы принимали участие иностранные рабочие.

Приток рабочей силы в угольную промышленность бассейна осуществлялся несколькими путями. В начале индустриализации преобладали трудовые мобилизации, самотек, добровольная вербовка, контрактация. В условиях бурного развития бассейна резко возросла потребность в рабочих кадрах, которую не мог обеспечить свободный наем. Он был вытеснен организованным набором рабочих, являвшимся плановой формой привлечения в угольную промышленность сельского населения. Однако набор не квалифицированных, технически грамотных рабочих. И к концу 30-х годов на первый план снова выдвинул прием рабочих путем вольного найма. Рост численности шахтерских кадров сопровождался изменениями их качественной структуры: повысился удельный вес женщин, изменился возрастной и кадровый составы.

Литература

1. Архивный отдел администрации города Прокопьевска. Ф. 104. Оп. 1. Д. 34.
2. Волченко А. В. Изменение в численности рабочих кадров Кузбасса в годы довоенных пятилеток // Из истории рабочего класса Сибири. Вып. IV. Кемерово: Кн. изд-во, 1972. 370 с.
3. Волченко А. В. К вопросу об источниках и проблемах пополнения рабочих кадров Кузбасса в годы индустриализации // Рабочие Сибири в борьбе за построение социализма и коммунизма. Кемерово: Кн. изд-во, 1967. 360 с.
4. Вторая угольная база СССР – Кузбасс. Ч. II / Под общ. ред. горн. инж. М. С. Строилова. Новосибирск: ОНТИ, 1936. 269 с.
5. ГАКО. Ф. 26. Д. 38.
6. ГАКО. Ф. 177. Оп. 3. Д. 55.
7. ГАКО. Ф. 177. Оп. 3. Д. 72.
8. ГАКО. Ф. 177. Оп. 3с. Д. 15.
9. ГАКО. Ф. 177. Оп. 3с. Д. 16.
10. ГАКО. Ф. 177. Оп. 5. Д. 20.
11. ГАКО. Ф. 177. Оп. 5. Д. 21.
12. ГАКО. Ф. 177. Оп. 5. Д. 41.
13. ГАКО. Ф. 26. Оп. 3. Д. 38.
14. ГАКО. Ф. 92. Оп. I. Д. 179.
15. ГАКО. Ф. П-15. Оп. 6. Д. 116.
16. ГАНО. Ф. 3. Оп. 2. Д. 26.
17. ГАНО. Ф. 3. Оп. 3. Д. 3.
18. ГАНО. Ф. 532. Оп. I. Д. 641.
19. ГАНО. Ф. 532. Оп. 6. Д. 462.
20. ГАНО. Ф. 627. Оп. I. Д. 540-6.
21. ГАНО. Ф. 627. Оп. I. Д. 1452.
22. ГАРФ. Ф. 5515. Оп. 15. Д. 719.
23. ГАРФ. Ф. 5515. Оп. 17. Д. 50.

24. Заболотская К. А. Количественный и качественный рост рабочих кадров угольной промышленности Кузбасса 1917 – 1970: дис. ... канд. ист. наук. Кемерово, 1975.
25. Кузбасс. Результаты переписи городского населения. 1931 г. Новосибирск, 1931.
26. Московский А. С. Формирование и развитие рабочего класса Сибири в период строительства социализма. Новосибирск: Наука. Сиб. отд-ние, 1968. 300 с.
27. Отчет Западно-Сибирского краевого комитета ВКП(б) II краевой партконференции. Новосибирск, 1934. 198 с.
28. Подсчитано автором: ГАКО. Ф. 177/с. Оп. 3. Д. 77. Л. 110, 116; Д. 75. Л. 25.
29. Правда. 1931. 1 июля.
30. Профсоюзная перепись 1932 – 1933 гг. М: Профиздат, 1934. 280 с.
31. Рабочий класс Сибири в период строительства социализма (1917 – 1937 гг.) / Ред. А. С. Московский. Новосибирск: Наука : Сиб. отд-ние, 1982. 425 с.
32. РГАЭ. Ф. 7566. Оп. 1. Д. 19.
33. Савостенко В. М. Деятельность КПСС по созданию второй угольно-металлургической базы СССР (1926 – 1937 гг.). М: Высшая школа, 1981. 176 с.
34. Труд в СССР. Справочник 1926 – 1930 гг. / Ред Я. М. Бинеман. М., 1930. 137 с.
35. Заболотская К. А., Халиулина А. А., Карпенко З. Г. и др. Угольная промышленность Кузбасса, 1721 – 1996. Кемерово: Кн. изд-во, 1997. 301 с.
36. Угольная промышленность СССР: К 40-летию Великой Октябрьской соц. революции / Ред.: В. К. Бучнев и др. М.: Углетехиздат, 1957. 636 с.

Информация об авторах:

Зеленин Алексей Анатольевич – доктор политических наук, профессор, заведующий кафедрой новейшей отечественной истории факультета истории и международных отношений КемГУ, 8(3842) 58-40-16.

Alexey A. Zelenin – Doctor of Political Science, Professor, Head of the Department of Contemporary Russian History, Kemerovo State University.

Леухова Мария Геннадьевна – кандидат исторических наук, доцент кафедры новейшей отечественной истории факультета истории и международных отношений КемГУ, cno@kemsu.ru.

Maria G. Leukhova – Candidate of History, Assistant Professor at the Department of Contemporary Russian History, Kemerovo State University.

Пьянов Александр Евгеньевич – кандидат исторических наук, доцент кафедры новейшей отечественной истории факультета истории и международных отношений КемГУ, alpianov@yandex.ru.

Alexander E. Pianov – Candidate of History, Assistant Professor at the Department of Contemporary Russian History, Kemerovo State University.

Статья поступила в редколлегию 31.07.2014 г.